

Партия в триктрак

Автор:

[Проспер Мериме](#)

Партия в триктрак

Проспер Мериме

Новеллы Проспера Мериме

«Недвижные паруса висели, прилипнув к мачтам; море было ровно, как зеркало; зной был удушлив, безветрие приводило в отчаяние.

В морском путешествии возможности для развлечения, которые могут доставить себе обитатели корабля, немногочисленны. Увы! Люди слишком хорошо знают друг друга, проводя вместе четыре месяца в деревянном вместилище длиной в сто двадцать футов.

Вы видите, как подходит старший лейтенант, и вы уж заранее знаете, что он будет говорить вам...»

Проспер Мериме

Партия в триктрак

Недвижные паруса висели, прилипнув к мачтам; море было ровно, как зеркало; зной был удушлив, безветрие приводило в отчаяние.

В морском путешествии возможности для развлечения, которые могут доставить себе обитатели корабля, немногочисленны. Увы! Люди слишком хорошо знают друг друга, проводя вместе четыре месяца в деревянном вместилище длиной в

сто двадцать футов.

Вы видите, как подходит старший лейтенант, и вы уж заранее знаете, что он будет говорить вам о Рио-де-Жанейро, где он только что побывал, потом о пресловутом мосте под Эсслингом, построенном на его глазах гвардейским экипажем, в котором тогда служил и он. Недели через две вам уже известны его излюбленные выражения, все, вплоть до манеры расставлять знаки препинания в фразах, до различных интонаций его голоса. Он непременно сделает печальную паузу, когда в его рассказе в первый раз встретится слово «император»... «Если бы вы тогда его видели!!!» (три восклицательных знака) – прибавляет он неизменно. А случай с лошадью трубача или с ядром, которое рикошетом сорвало сумку, где находилось семь с половиной тысяч франков в золоте и драгоценностях, и пр. и пр.! Младший лейтенант – великий политик; он каждый день комментирует последний номер Конститусьонеля, вывезенный им из Бреста; если же он опустится с высот политики и снизойдет до литературы, то угостит вас разбором последнего водевиля, который он только что видел. О боже!.. У судового интенданта была своя весьма интересная история. Когда в первый раз он нам рассказал, как он бежал с понтона в Кадисе, мы слушали его с восторгом; но, право же, при двадцатом повторении это уже было невыносимо... А мичманы, а гардемарины... Как вспомнишь их разговоры, волосы становятся дыбом. Капитан – обычно наименее скучный человек на корабле. В качестве деспотического начальника он находится в состоянии скрытой войны со всем своим штабом, он придирается, иногда притесняет, но зато какое удовольствие потихоньку проклинать его! Если у него есть кое-какие причуды, тягостные для подчиненных, то смеяться над своим начальником тоже не лишено приятности и служит некоторым утешением.

Офицеры корабля, на котором я находился, были превосходнейшими людьми – все добрые малые, любившие друг друга братской любовью; но скучали они вовсю. Капитан был кротчайшим созданием, отнюдь не придиричивым (что встречается весьма редко). Свою диктаторскую власть он проявлял всегда очень неохотно. А все же каким долгим показалось мне это плавание! Особенно тягостно было безветрие, в полосу которого мы попали всего за несколько дней до того, как увидели землю!

Однажды после обеда, который мы от нечего делать тянули, насколько было возможно, мы все собрались на палубе в ожидании однообразного, но всегда величественного зрелища заката солнца на море. Одни курили, другие перечитывали в двадцатый раз какой-нибудь из трех десятков томов нашей

жалкой библиотеки; все до слез зевали. Мичман, сидевший рядом со мной, занимался тем, что с важностью, достойной лучшего применения, бросал на дощатый пол палубы острием вниз кортик, который обычно носят при непарадной форме морские офицеры.

Это тоже своего рода развлечение, притом требующее известной ловкости, для того чтобы острие совершенно отвесно воткнулось в доску. Мне захотелось последовать примеру мичмана, и я попросил у капитана его кортик, так как своего у меня не было. Но он отказал мне. Он очень дорожил этим оружием, и ему было бы неприятно, если бы оно послужило для такой праздной забавы. Прежде кортик этот принадлежал одному храброму офицеру, к несчастью, погибшему в последнюю кампанию... Я предчувствовал, что за этим последует какая-нибудь история. Я не ошибся. Капитан не заставил себя просить и начал рассказ. Что касается окружавших нас офицеров, из которых каждый наизусть знал злоключения лейтенанта Роже, они сейчас же потихоньку ретировались. Вот что рассказал мне капитан.

– Когда я познакомился с Роже, он был на три года старше меня: он был лейтенантом, я – мичманом. Уверяю вас, это был один из лучших офицеров в нашей команде, к тому же с прекрасным сердцем, умница, образованный, талантливый – одним словом, очаровательный молодой человек. К несчастью, немного горд и обидчив; происходило это, вероятно, оттого, что он был незаконным сыном и боялся, как бы его происхождение не лишило его положения в обществе. Но, по правде сказать, главным его недостатком было постоянное и непреодолимое желание первенствовать всюду, где бы он ни находился. Отца своего он никогда не видал, но тот выплачивал ему содержание, которого ему за глаза хватало бы, если бы Роже не был воплощенной щедростью. Все, что он имел, было к услугам его друзей. Придешь к нему, после того как он получит свое трехмесячное жалованье, сделаешь печальное и озабоченное выражение лица, и он сейчас же спросит:

– Что с тобой, приятель? Видно, если ты хлопнешь себя по карману, там не очень-то зазвенит... Полно! Вот мой кошелек. Бери, сколько нужно, и едем со мной обедать.

В Брест приехала молодая актриса, очень хорошенькая, по имени Габриэль, и сейчас же одержала ряд побед над моряками и гарнизонными офицерами. Ее нельзя было назвать безупречной красавицей, но она была хорошего роста, у

нее были красивые глаза, маленькая ножка и достаточно наглый вид – все это очень нравится малым от двадцати до двадцати пяти лет. Говорили, что к тому же она самое капризное существо женского пола; ее манера играть не опровергала этой репутации. Иногда играла она восхитительно, так, что можно было признать ее за первоклассную артистку, а на следующий день в той же пьесе она была холодна, бесчувственна и произносила свою роль, как ребенок твердит катехизис. наших молодых людей особенно заинтересовала следующая история, которую про нее рассказывали. Будто бы ее содержал, тратя на нее много денег, некий парижский сенатор, совершавший ради нее всяческие, что называется, безумства. В один прекрасный день человек этот, будучи у нее в гостях, надел шляпу; она попросила ее снять, даже принялась жаловаться на недостаток уважения к ней. Сенатор рассмеялся, пожал плечами и, усевшись плотнее в кресло, сказал: «Неужели же я не могу вести себя как дома у девицы, которую я содержу?» В ответ на это Габриэль дала ему своей белой ручкой такую увесистую оплеуху, что шляпа сенатора полетела в другой угол комнаты. В результате – полный разрыв. Банкиры и генералы делали ей солидные предложения, но она на все отвечала отказом и сделалась актрисой, чтобы вести, по ее словам, независимый образ жизни.

Как только Роже ее увидел и узнал про эту историю, он решил, что особа эта как раз по нем, и, чтобы показать ей, насколько ее прелести его тронули, он с грубоватой откровенностью, в которой упрекают нашего брата-моряка, прибегнул к такому способу. Он купил лучших и самых редких, какие только можно было найти в Бресте, цветов, составил из них букет, перевязал его красивой розовой лентой, а в бант очень аккуратно вложил сверток из двадцати пяти золотых: в данную минуту это было все его состояние. Я помню, что в антракте пошел с Роже за кулисы. Он сказал Габриэль коротенький комплимент насчет грации, с какой она носит костюм, поднес букет и попросил разрешения нанести визит. Все это высказано было в двух словах.

Покуда Габриэль видела только цветы и красивого молодого человека, который их подносит, она ему улыбалась и сопровождала свои улыбки премилыми поклонами, но когда она взяла букет в руки и почувствовала тяжесть золота, ее физиономия изменилась быстрее, чем поверхность моря под тропическим ураганом. И действительно, она была не менее сердита, чем ураган; изо всей силы она бросила букет и золотые монеты в лицо моему бедному другу, и тот целую неделю после этого ходил с синяками. Раздался звонок режиссера. Габриэль вышла на сцену и сыграла все шиворот-навыворот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/prosper-merime/partiya-v-triktrak-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)